

ВЫБОРЫ В РОССИИ И ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ?

19 и 20 ноября 2003 г. в Париже состоялась совместная научная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова и Парижского института политических наук (Sciences Po), посвященная проблеме сравнительного анализа избирательных систем и избирательных процессов в двух странах. Открыл конференцию **Р. Ремон**, академик, президент Национального фонда политических наук Франции. Он указал на актуальность и важность темы, подчеркнув, что выборы являются источником и способом легитимации власти в демократическом обществе. Проблематика выборов является многоплановой, затрагивающей различные стороны политического бытия общества, отражающей вопросы становления и развития политического режима, электоральных систем, предполагающей всесторонний анализ электорального поведения. Р. Ремон выразил уверенность, что сравнительный анализ избирательных систем, технологий проведения избирательных кампаний в России и Франции не только возможен, но и необходим. **Л. Семенникова**, заместитель декана факультета государственного управления ФГУ, в своем вступительном слове также выразила уверенность в правомерности сопоставления электоральных процессов в России и Франции. И хотя избирательная система в России еще находится в стадии своего становления, такой сравнительный анализ, по ее мнению, полезен не только для выявления специфики избирательных систем обеих стран, но и для выявления некоторых общих тенденций, характерных для современного периода глобализации и бурного развития информационных технологий.

Первая проблема, которая обсуждалась участниками конференции, – *электоральные циклы*. Председательствующий на заседании **Д. Кола** высказал убеждение в необходимости изучения влияния выборов на развитие общества и, наоборот, обусловленность электоральных процессов особенностями политических систем, культурных традиций и социальных трансформаций. **А. Соловьев** в своем докладе остановился на характеристике особенностей электоральных циклов в России. Он отметил, что последний электоральный цикл разворачивается в новом социально-политическом контексте, отличающемся централизацией власти, ужесточением политического контроля на медийном рынке, усилением функций ФСБ, попытками власти наладить управление структурами гражданского общества через Гражданский форум, путем оказанием давления на бизнес и т.д. Поскольку во время предвыборных баталий происходит резкая активизация различных политических сил, вносящая элементы дестабилизации в систему политических отношений, то в последнее время были предприняты некоторые шаги, направленные на повышение управляемости электоральными процессами со стороны власти. Для этого были приняты законы о политических партиях и о гарантиях прав избирателей, которые создали определенные преимущества для крупных политических партий, и в первую очередь для тех, которые пользуются поддержкой властей. Среди обозначившихся в настоящее время в российском политическом процессе тенденций А. Соловьев выделил появление и укрепление позиций так

называемых «административных» партий, ослабление позиций независимых кандидатов, появление ограничений, которые налагаются на непартийные объединения. По мнению А. Соловьева, власть задает слишком много ограничений для структур, участвующих в избирательном процессе, что может вылиться в установление контроля над Государственной Думой со стороны президента, а если Единая Россия наберет большинство голосов, то это откроет для нее возможность инициировать конституционные реформы. Он отметил наличие тревожных тенденций снижения стимулов к усилению партийной системы, ослаблению позиций бизнеса и гражданских структур, развития «управляемой» демократии.

Д. Рейни в свою очередь остановился на важной тенденции во французском избирательном процессе, которую он обозначил понятием «электоральное диссидентство». Суть этой тенденции заключается в падении интереса избирателей к традиционным французским партиям и, напротив, в увеличении доли недействительных бюллетеней, нежелании граждан участвовать в голосовании, а также в росте числа голосующих за радикальные партии, прежде всего за Национальный фронт. Если уровень «электорального диссидентства», по подсчетам Д. Рейнье, в 1965 г. составлял 20,47%, а в 1974 г. – 19,42%, то, начиная с президентских выборов в 1981 г., имеет тенденцию к неуклонному росту и в 2002 г. достигает 51,4%. Таким образом, происходит размывание базового электората основных французских политических партий, и это не может не тревожить, так как теперь избираемый президент опирается на значительно меньшее количество граждан, отдавших за него свои голоса, и это не может не ставить проблему его легитимности. Для объяснения полученных эмпирических данных Д. Рейнье выдвинул две гипотезы. Первая заключается в том, что Франция вошла в фазу политического кризиса, и если выявленная тенденция сохранится, то возможна «электоральная катастрофа». Вторая гипотеза основана на сравнении с результатами выборов в других демократических странах, где также наблюдается аналогичная тенденция. Это дает основание предположить, что идущая перестройка институциональной системы общества влияет на электоральное поведение граждан и на их отношение к политике в целом. И если до 1981 г. левые партии привлекали к себе «диссидентский электорат», то теперь они исчерпали свои мобилизационные возможности.

Выступившая в дискуссии по данной проблеме **Г. Колин** высказала суждение, что выборы в России все в большей степени превращаются в назначение и в этой связи подчеркнула актуальность выработки действенных мер по ограничению административного воздействия на электоральный процесс. **Г. Белов** заметил, что категория «электоральное диссидентство» в той интерпретации, которую предложил Д. Рейнье, вряд ли полностью применима к российскому опыту. В России также существуют колебания в электоральном поведении, но эти колебания связаны в значительной мере с разочарованием, которое испытали многие россияне, оказавшиеся в результате проведенных в стране преобразований за чертой бедности. Наиболее последовательный электорат имеет КПРФ, но это в основном пожилые люди, поэтому вряд ли эта партия может рассчитывать в будущем на прочное большинство в российском парламенте. Российские партии слишком молоды, и сама партийная система еще только формируется, поэтому трудно говорить об «электоральном

диссидентстве» в условиях отсутствия устойчивых партийных предпочтений. С тезисом о том, что «электоральное диссидентство» присуще только странам с устоявшейся партийной системой согласился и Д. Рейнье

Вторая, обсуждавшаяся на конференции проблема касалась *эволюции политических партий и их взаимоотношений в ходе электоральных циклов*. **Ф. Платон** подробно остановился на эволюции французской компартии. Он подчеркнул, что ФКП всегда занимала особое место в международном коммунистическом движении, никогда не примыкала к его ортодоксальному крылу и всегда последовательно выступала за демократию. Начиная с 1936 г. партия принимает активное участие в электоральном процессе, добившись наибольшей поддержки избирателей после завершения Второй мировой войны. Однако с 1981 г. начался спад ее влияния, и в настоящее время она не набирает более 4% голосов на общенациональных выборах. В партии идут сложные процессы, связанные с отказом от демократического централизма, с переходом от назначения руководством партии кандидатов на выборы различных уровней к их избранию членами партии. В настоящее время электорат компартии – это молодые активные, политизированные люди в меньшей степени ориентированные на либеральные ценности. После президентских выборов 2002 г. звучали оценки, что голоса коммунистов перетекли к лидеру Национального фронта Ле Пену. Однако Ф. Платон высказал сомнение в достоверности таких оценок.

Д. Платыгин рассмотрел особенности межпартийных коалиций в современной России. Он отметил, что на их образование влияют три группы факторов: во-первых, достаточно высокий уровень неопределенности окружающей среды, проявляющийся в отсутствии необходимой информации, подвижности электоральных предпочтений россиян, большого количества партий, принимающих участие в избирательном процессе; во-вторых, институциональный дизайн, т.е. особенности собственно электоральной системы, определяющей порядок проведения выборов, электоральное расписание, принципы, лежащие в основе распределения мест и постов в Государственной Думе; в-третьих, мотивация лидеров и активистов партии, ориентирующая их на борьбу за голоса избирателей, за должности, за политическое влияние. Д. Платыгин выделил две стратегии межпартийных коалиций: первая предполагает объединение усилий для участия в выборах, вторая характерна для партий, прошедших в парламент и намеривающихся сотрудничать в законодательном собрании. Он отметил, что коалиционное взаимодействие идет между партиями одной идеологической «семьи» – между левыми, между правыми, между центристскими партиями.

С. Пшизова отметила, что для России традиционное для Франции деление на правые и левые партии не совсем приемлемо, так как существует некоторая размытость идеологических принципов. В политике более востребован прагматизм, об этом, в частности, свидетельствует падение влияния КПРФ. Оценивая возможность межпартийных коалиций, она высказала суждение, что наиболее острая борьба разворачивается именно между идеологически близкими партиями. **Л. Рюке** подтвердил, что в России с трудом прослеживаются идеологические различия между партиями, фактически у партий нет

идеологии, а есть некоторое видение проблем, что подчеркивает их прагматический характер. Кроме того, он обратил внимание на то, что и в России и во Франции партии слабы в финансовом отношении, но российские партии отличаются большей зависимостью от власти.

Особый интерес у участников конференции вызвала *проблема коммуникационных стратегий партий в избирательном процессе*. **Г. Пушкарева** рассказала о том, какие применяются в российской практике методики для определения содержания информационной кампании, что предпринимается партиями для того, чтобы заставить себя услышать, как выстраиваются в информационном пространстве отношения партий со своими политическими конкурентами. Она отметила, что в 2003 г. партии столкнулись с определенными трудностями в определении главной темы своей избирательной кампании, которые, с одной стороны, были связаны с тем, что при наличии большого количества проблем, стоящих перед российским обществом, выбрать главную, способную объединить многих избирателей оказалось не так просто, а с другой – весьма проблематичным в условиях высокого доверия масс к президенту было бы построение избирательной кампании на противопоставлении олицетворяемой им власти, поэтому объектом для нападков становилось главным образом правительство. Спецификой избирательной кампании 2003 года стало ужесточение контроля за расходованием каждым ее участником рекламного бюджета. Это вынудило ряд партий, особенно молодых, начать рекламную кампанию задолго до официального начала избирательной кампании. **Г. Пушкарева** отметила, что предвыборная борьба – это борьба не только за избирателя, но и борьба против влияния на этого избирателя политических соперников. К сожалению, в этой борьбе используются не только честные приемы. В русском языке даже появился термин «черные технологии», которым обозначаются такие способы ведения политической борьбы, которые противоречат и закону, и нормам морали.

Т. Ведель в свою очередь рассказал об эволюции информационных стратегий французских партий. Он выделил три этапа в их развитии: первый этап – досовременный – отличался активностью главным образом партийных организаций на местах и акцентом на такие формы борьбы за голоса избирателей, которые предполагали установление с ними непосредственного контакта в ходе встреч, собраний; второй – современный – отличался переносом информационной активности в средства массовой информации и использование рекламы, к созданию которой активно стали привлекаться профессионалы в этой области; с 2000 г. начался третий этап – постсовременный, – предполагающий использование таких средств коммуникации, которые позволяли выходить на отдельного избирателя – прямая адресная рассылка, Интернет и т.п. Он подробно остановился также на характеристике различных способов современной коммуникации, используемых французскими партиями для воздействия на избирателя.

А. Соловьев подчеркнул особую роль СМИ в избирательных кампаниях, их огромное воздействие на формирование электоральных предпочтений особенно тех людей, которые составляют «болото», т.е. не имеют твердых политических убеждений и не обладают партийной идентичностью. В этой связи он обратил внимание на значение проблемы

независимости СМИ. **Н. Соже** выделил ряд проблем, которые, по его мнению, определяют специфику ведения избирательных кампания. В частности, он назвал проблему профессионализации и появления политических консультантов, готовых оказывать соответствующие услуги партиям в избирательных кампаниях, проблему качества социологических опросов, проблему асимметрии распределения информационных ресурсов. У участников конференции живой интерес вызвали также конкретные аспекты ведения предвыборной агитации в 2003 г.: как проходят дебаты на российском телевидении, возможен ли союз СПС и партии «Яблоко» и т.д.

Финансирование политических партий – это деликатная проблема для каждого участника избирательного процесса. **К. Головщинский** в своем докладе остановился на особенностях участия крупного российского бизнеса в избирательных кампаниях и в финансировании российских партий. Он высказал суждение, что слабость российской партийной системы стала одной из причин активного участия крупных корпораций в избирательном процессе. Это участие реализовывалось и через финансовую поддержку тех партий, которые демонстрировали лояльность по отношению к заинтересованным корпорациям, и через продвижение своих кандидатов. Причем слабость межкорпоративных связей вела к тому, что каждая крупная финансово-промышленная корпорация фактически превращалась в самостоятельного игрока на электоральном поле. К. Головщинский выделил два вида электоральных стратегий российских корпораций: первая – диверсификационная, когда финансовая поддержка оказывается нескольким партиям; вторая – ориентирована на оказание поддержки одной партии. По его мнению, второй вид стратегии более распространен в настоящее время в российской электоральной практике.

Е. Треиль в свою очередь затронул проблему нормативного регулирования финансирования политических партий. Он рассказал об особенностях французского законодательства, регламентирующего порядок финансирования партий и условия предвыборной агитации. Он выделил несколько проблем существующих в этой области: во-первых, необходимость соблюдения принципа прозрачности финансовой деятельности партии; во-вторых, потребность четко прописанного в национальном законодательстве принципов нормативного регулирования государственного финансирования партий. Как показала французская практика, государственное финансирование может привести к росту числа мелких партий, не способных играть существенную роль на политической арене, но тем не менее поглощающих бюджетные средства. По мнению Е. Треиля, вопрос финансирования партий является конфликтогенным, он неизбежно будет вызывать острые споры в связи с тем, что затрагивает жизненно важные для каждой партии проблемы ресурсного обеспечения своего влияния в электоральном процессе.

Выступившие в дискуссии по этой проблеме **Ж. Фаварель** и **А. Антонова** отметили, что во Франции нормы и правила, регламентирующие характер взаимодействия партий и бизнес-структур, разработаны лучше. И хотя в России в последнее время предприняты определенные усилия в этой области, остается еще немало проблем в этой области. Сопоставляя практику влияния корпораций на власть в двух странах, Ж. Фаварель сказал, что

ему кажется, в России бизнес-структуры вместо традиционных способов лоббирования своих интересов отдают предпочтение продвижению во властные структуры своих представителей.

Наряду с партиями, занимающими умеренные политические позиции, и во Франции и в России есть партии, отличающиеся своими радикальными взглядами на ключевые проблемы общественного развития. *Проблема влияния таких партий на избирателей, их места и роли в политической жизни* не могла не стать предметом обсуждения на конференции. **Н. Мейер** акцентировала внимание на тенденции укрепления в последнее десятилетие в ряде европейских стран позиций крайне правых партий. Во Франции эта тенденция проявилась в росте электоральной поддержки Национального фронта, возглавляемого Ле Пеном. На президентских выборах в 2002 г. Ле Пен набрал 19,2% голосов и вышел во второй тур, обойдя лидера французских социалистов. Н. Мейер проанализировала электоральную базу крайне правых, националистических сил во Франции. Она отметила, что за Ле Пена голосовали в основном люди, не принадлежащие к высокообразованным и хорошо обеспеченным слоям, это прежде всего жители округов, где доминируют представители рабочего класса, которых волнует проблема безработицы, а также жители некоторых сельских районов, обеспокоенные ростом преступности. Женщины менее склонны поддерживать Ле Пена, чем мужчины, потому что он достаточно груб на вербальном уровне, допускает крепкие выражения и выступает за традиционное отношение к женщине. По мнению Н. Мейер, главная причина роста популярности крайне правых заключается в обострении целого ряда социальных и экономических проблем, прежде всего в падении занятости – Франция занимает в Европе одно из первых мест по числу безработных. Прогноз Н. Мейер, к сожалению, не утешителен, она считает, что есть основания полагать, что на парламентских выборах в 2004 г. Национальный фронт еще больше упрочит свои позиции. Ее предположения основаны на эмпирически выявленной тенденции: чем больше теряют граждане, тем охотнее они голосуют за крайне правых. А прогноз экономического развития Франции на ближайшее будущее, по ее оценкам, не утешителен: безработица будет расти, увеличатся налоги, сохранится угроза терроризма – все это будет подогревать националистические настроения в стране. Отвечая на поставленные вопросы, Н. Мейер еще раз подчеркнула, что вести борьбу против крайне правых, используя только избирательные технологии, нельзя. Их влияние неразрывно связано с социальными проблемами, без решения которых нельзя рассчитывать на падение электоральной поддержки Ле Пена.

В России ряд партий, участвующих в избирательном процессе, также отличаются популизмом и ориентацией на национально-патриотические идеи. Однако экстремистские организации и группы, выступающие за насильственное свержение власти, проповедующие национальную и религиозную рознь, поддерживающие террористические методы борьбы, отстранены от участия в выборах в Государственную Думу. **А. Сидоров**, остановившийся в своем докладе на особенностях российского политического экстремизма, сказал, что в России организации подобного рода находятся вне правового поля, но их немало в стране, несколько десятков. И хотя такие организации не регистрируются и не имеют формального права пропагандировать свои взгляды, тем не менее они используют различные возможности для

информирования населения о своих целях и о своей деятельности. Особую активность проявляют представители левого радикального крыла – Национал-большевистская партия, ВКП(б), Трудовая Россия и др. Отличительной чертой их идеологических воззрений является неприятие либерально-демократических ценностей, антизападные настроения, стремление к сильной власти, популистские лозунги. А. Сидоров обратил внимание также на религиозный экстремизм, на создание в стране организаций, вступающих в борьбу с традиционными религиями. По некоторым подсчетам, в стране, например, действует около 30 групп сатанистов. А. Сидоров поддержал Н. Мейер в ее суждении о том, что радикальные организации активизируются и усиливают свои позиции в периоды экономических кризисов, сопровождающихся резким ухудшением материального положения масс. Однако для России, добавил он, характерна еще и ломка нормативного порядка, пересмотр системы политических ценностей. Все это создает у многих людей, находящихся в тяжелом социально-экономическом положении, ощущение неопределенности будущего, граничащего с безысходностью, порождает неверие в легально действующие политические организации, в систему власти. Однако исключение экстремистских организаций из правового поля, по мнению А. Сидорова, позволяет надеяться на то, что эти разрозненные и разношерстные организации не смогут создать себе массовую опору в обществе.

М. Аракелова в своем выступлении остановилась на той роли, которую играет в современном российском обществе ЛДПР. Эта партия возникла в 1989 г. и начиная с 1991 г. принимает самое активное участие в российском избирательном процессе. Заявления лидера ЛДПР отличаются популизмом, известной долей радикализма, категоричностью в оценке других политических сил, что в какой-то степени делает его внешне похожим на лидера французского Национального фронта. Однако, по мнению М. Аракеловой, В. Жириновский скорее имитирует экстремизм на политической арене, чем является его реальным носителем, он всегда находил общий язык с партией власти. Вместе с тем его эпатажность, умение говорить остро и жестко, способность интуитивно улавливать меняющиеся настроения в обществе привлекают определенную часть российских избирателей. Кроме того, отсутствие четких идеологических взглядов позволяет ему маневрировать, выдвигать по мере изменения внутривнутриполитической обстановки различные, порой взаимоисключающие требования. На протяжении последних десяти лет наблюдалась тенденция к снижению интереса избирателей к ЛДПР, но, как подчеркнула М. Аракелова, партии не только удастся сохранить свой устойчивый электорат, но есть вероятность, что она сможет в проходящей в стране предвыборной борьбе использовать для наращивания своего влияния сохраняющуюся в обществе озабоченность падением престижа страны на международной арене и неспособностью властей решить острые социально-экономические проблемы.

Выступивший в дискуссии по данной проблеме, **А. Перрен** отметил, что сравнительный анализ радикальных партий в России и Франции позволяет увидеть между ними определенные различия. В Франции есть одна партия, которая смогла собрать вокруг себя праворадикальные силы, в России таких организаций много, они разобщены и ориентированы на различные идеологические ценности. Кроме того, Национальный фронт во

Франции существует уже давно, он стал частью истории страны, ее лидер выступает с разоблачительными речами, и это привлекает к нему симпатии многих французов. Вместе с тем, можно увидеть и некоторые общие черты у радикальных партий обеих стран. Прежде всего, речь идет о националистических лозунгах. В России они могут иметь специфическую форму сожаления об утраченном величии страны, о распаде Советского Союза, во Франции – это ксенофобия, неприятие иммигрантов, главным образом из Африки.

Конечно, участники конференции не могли обойти такую острую тему, как *выборы в кризисных регионах и, в частности, в Чечне*. **Ж.-Б. Нодэ**, работавший журналистом в Чеченской республике, мог наблюдать, как проходили здесь выборы главы республики в 2003 г. Он дал достаточно резкую оценку прошедшим здесь выборам, назвав их фарсом. С его точки зрения, мало, что было сделано для организации свободного волеизъявления чеченского народа, в частности, не было должного учета избирателей, что вполне могло вылиться в двойное голосование. Свое предположение о возможных подтасовках он обосновал ссылкой на результаты социологических опросов, которые показывали, что за Кадырова накануне выборов намерены были голосовать 12–15% избирателей, но по итогам голосования он набрал около 80% голосов. По мнению Ж.-Б. Нодэ, и предыдущие выборы президента Чечни не были демократическими. Видимо, общая дестабилизация, острое конфликтное противостояние, сопровождающееся военными действиями, не способствуют созданию необходимых условий для проведения подлинно демократических выборов. **О. Мерлен** сказала, что при анализе выборов в Чечне, возникает немало вопросов, например, вопрос о целесообразности их проведения в ситуации, когда в регионе продолжаются военные действия. Другая проблема, по ее мнению, заключается в том, что если в ходе выборов действительно имели место подтасовки, а косвенным их подтверждением являются серьезные расхождения между результатами социологических опросов и итогами голосования, то насколько легитимными являются прошедшие выборы, согласятся ли с их результатами жители Чечни.

А. Соловьев отметил, что проблема урегулирования чеченского конфликта является для российского руководства одной из самых сложных. Власть, по его мнению, пытается решить следующие основные задачи: во-первых, сохранить целостность России и для этого ей необходим политический контроль за всей территорией; во-вторых, обеспечить внутривнутриполитическую стабильность, в том числе, путем налаживания отношений с региональными лидерами, и фигура Кадырова в этом плане Кремль в целом устраивает; в-третьих, придать процессам, направленным на урегулирование чеченской проблемы, легитимный характер; таким образом, референдум и выборы в Чечне необходимы, чтобы у мировой общественности формировалось представление о приверженности власти к демократическим способам решения проблемы, чтобы легитимизировать саму систему власти в этой российской территории; в-четвертых, добиться умиротворения общественного мнения, используя для этого различные медиатехнологии и договоренности с отдельными партиями. Таким образом, электоральная политика – это часть проблемы урегулирования чеченского конфликта. Можно по-разному относиться к итогам выборов в

Чечне, и отсутствие наблюдателей на выборах от ведущих международных организаций является свидетельством нежелания признавать их результаты международной общественностью, но все-таки данный способ преодоления затянувшегося кризиса в регионе лучше военных операций.

Участники дискуссии остановились также на *проблеме «партии власти»*, попытались сравнить степень участия партий обеих стран в формировании правительственной политики и определить особенности их электоральных стратегий. **С. Пшизова** отметила, что в России партии исключены из процесса формирования правительства, поэтому правительственных партий в их классическом понимании нет. Но есть понятие «партия власти», которое, по ее мнению, используется для обозначения партии или группы партий, на которые опирается президент и правительство при проведении своих решений. В постсоветский период функцию партии власти выполняли ДВР, НДР, в настоящее время партией власти является «Единая Россия». Специфика российской политической ситуации заключалась в том, что президент стремился дистанцироваться от какой-либо политической партии, а степень его электоральной поддержки предопределялась не столько поддержкой со стороны партии, сколько действиями политических консультантов. Сами же партии власти выглядят достаточно искусственно, так как в их основе лежат не традиции партийной работы и идеологические принципы, а медиатехнологии, позволяющие создавать в массовом сознании соответствующие образы партий. Поэтому, считает С. Пшизова, вряд ли можно говорить о наличии у ЕР самостоятельной стратегии, ее ведущее место в социологических рейтингах обеспечивается профессионализмом политических консультантов.

Э. Дюпуарье подчеркнула, что во Франции, напротив, невозможно стать президентом страны, если не опираться на поддержку партии. Именно партия выполняет роль электоральной машины, ведет агитацию и пропаганду среди избирателей, мобилизует их на выборы. Кандидаты от партии, победившей на парламентских выборах, становятся опорой президента в Национальной Ассамблее. Однако наблюдающееся в последнее время в политической жизни Франции тенденция падения интереса избирателей к традиционным партиям ведет к снижению их электоральной поддержки, а, следовательно, к падению их представительства в Национальной Ассамблее. В этой связи по инициативе действующего президента был создан Союз президентского большинства (СПБ), который объединил правые и правоцентристские партии. По замыслу создателей, СПБ должен был консолидировать политические силы, поддерживающие президента. Анализируя работу СПБ, Э. Дюпуарье отметила, что, конечно, данный союз помогает Ж. Шираку проводить свои проекты, более четко артикулировать идеологические позиции правого крыла в Национальной Ассамблее. Вместе с тем, сказала она, создание такой коалиции ведет к утрате самобытности самих партии, к размыванию политического центра, так как центристские партии фактически поставлены перед необходимостью самоопределения с правым или левым крылом парламента.

Включаясь в дискуссию, **Ф. Доце** сказала, что ее просто поражает, судя по выступлению С. Пшизовой, как легко «Единой России» удалось мобилизовать административные ресурсы,

привлечь на свою сторону бывшего лидера ОВР Ю. Лужкова Во Франции, отметила она, политические технологии тоже используются, но все-таки решающее воздействие на электоральный выбор оказывает партийная или идеологическая приверженность избирателей. **Г. Пушкарева**, сравнивая процесс создания во Франции Союза президентского большинства и процесс формирования в России новой партии власти, отметила, что, видимо, стремление президента иметь прочную опору в парламенте характерно для любого общества. Исполнительная власть нуждается для проведения своих решений в опоре на большинство в законодательном органе. В России существует некоторое предубеждение против партии власти, т.е. партии поддерживающей президента и правительство, что, видимо, является своеобразным наследием советского периода, когда была одна единственная партия. Однако опыт Франции говорит, что партия власти – это явление свойственное демократическому обществу. Важно только, чтобы такая партия не обрела монополию на власть, чтобы и другие партии обладали реальными возможностями равноправного участия в конкурентной политической борьбе за голоса избирателей, а следовательно, за право становиться по результатам голосования партией власти.

Центральной фигурой в электоральном процессе являются избиратели. За их голоса разворачивается борьба между партиями, и именно их предпочтения обеспечивают победу одним политическим силам и определяют неудачу других. Вот почему, подчеркнул **В. Кошкидько**, важно иметь четкое представление об электоральных предпочтениях основных социальных групп общества, которые складываются под влиянием целого ряда факторов: отношение людей к прошлому страны, их политические ценностные ориентации, представления о социальной справедливости. В российском обществе, по его мнению, есть два основных социокультурных типа – модернистский и традиционный, отличающиеся, прежде всего, отношением, принадлежащих к ним людей, к процессам политических и социально-экономических преобразований в стране. Традиционалисты тяготеют к прошлому, сожалеют об утраченном величии страны и предпочитают голосовать за коммунистов. Модернисты, напротив, в большей степени ориентированы на либеральные ценности, на тесное сотрудничество с Западом, они поддерживают партии либерально-демократической ориентации. В настоящее время, отмечает В. Кошкидько, появилась третья социокультурная группа, сочетающая в себе черты двух первых. Принадлежащих к этой группе людей объединяет приверженность идее сильного государства, но при этом им не чужды и некоторые либеральные ценности, именно на эту группу в первую очередь ориентируются центристские партии и, в частности, «Единая Россия». В. Кошкидько обратил внимание на сугубо российский феномен – голосование против всех. Во французской электоральной практике такого вида выражения отношения избирателей к политическим партиям нет. В России «кандидат против всех» набирает порядка шести процентов голосов, но на некоторых региональных выборах число проголосовавших против всех может оказаться и выше, например, на выборах губернатора Санкт-Петербурга, оно достигло 11%.

В заключительной дискуссии участники конференции выразили уверенность не только в возможности, но и необходимости сравнительного анализа избирательных систем и

избирательных процессов в России и во Франции. Такой сравнительный анализ необходим, во-первых, потому, что позволяет понять, какие проблемы в российской или французской электоральной практике порождены спецификой развития самой страны, ее политической культурой и особенностями институционального порядка, а какие проблемы носят универсальный характер; во-вторых, он позволяет выявить некоторые общие тенденции, характерные для электоральных процессов в условиях глобализации и интенсивного развития средств массовой коммуникации; в-третьих, он позволяет расширить представления обеих сторон о политических процессах, протекающих в каждой стране, преодолеть некоторые стереотипы восприятия друг друга; в-четвертых, он дает возможность познакомиться с национальными научными школами, сопоставить те теоретико-методологические концепции, которые используются учеными каждой страны для изучения электоральных процессов.

Г.В. Пушкарева,
кандидат исторических наук